

Музыка на ребрах

Автор легендарной книги о советской контркультуре мечтает создать музей звукозаписи

Рудольф Фукс — один из немногих людей, про кого можно сказать «человек-легенда» безо всякой натяжки. Он был одной из заметных фигур питерской подпольной звукозаписи. В 60-е годы домагнитофонной эры он тиражировал в Ленинграде пластинки, записанные на рентгеновских снимках, так называемую музыку на ребрах. В СССР это были запрещенные блатняк, шансон, зарубежный рок-н-ролл и джаз. После, в американской иммиграции, он стал владельцем звукозаписывающего лейбла и выпускал пластинки российских певцов, которые на Родине были под запретом. За десятилетия бурной жизни, которая всегда была подчинена музыке, Рудольф Фукс собрал уникальную коллекцию звукозаписывающей и проигрывающей аппаратуры — от фонографа, изобретенного Томасом Эдисоном, до проигрывателей и магнитофонов разных годов выпуска. Только цифровой техники Рудольф не признает — звук не тот.

Он любит вспоминать свой первый приемник с названием Т-37: будучи школьником, он откопал его на антресолях у тетки. Приемник чудом избежал конфискации, которой в войну подлежала вся подобная техника. Починив его, начал ловить радиоволны Прибалтики и Скандинавии. Так он узнал о существовании джаза, буги-вуги — музыки, которую в СССР не жаловали.

Все, что увлекало нашего героя в те годы, квалифицировалось исключительно как контркультура. Еще до окончания школы он увлекся собиранием довоенных пластинок, а потом и актуальной за рубежом музыки. На питерской барахолке он познакомился с деятелями подпольной музыкальной индустрии, которые тогда всю торговлю самодельными дисками из рентгеновской пленки. Уже став студентом «корабелки», Рудольф тоже влился в их ряды. Аппаратуру купил, несколько раз сдав кровь.

— Еще учась в кораблестроительном институте, я писал диски сапфировой иглой с подогревом или механическим резцом. А пленки брали в поликлиниках города — они там годами копилась, и техники были только рады освободиться от необходимости их периодически сжигать, — вспоминает Рудольф.

С одной дорожкой забугорной пластинки-матрицы, тайком привезенной дипломатом или моряком, изготовлялось почти неограниченное количество копий, которые затем выкупали агенты-разносчики. В Ленинграде конца 50-х — начала 60-х был бешеный спрос на Элвиса Пресли, Литла Ричарда, рок, твист. Самодельные пластинки буквально рвали из рук — у «Гостиного двора», магазина «Мелодия» на Невском, на рынках. Стоили они до реформы 1961 года по 10 рублей, после — по 5—7 рублей.

Идеология всеобщего запрета не давала ходу и отечественным исполнителям — ну не имели прав на существование никакие альтернативные жанры, кроме одного — советского патриоти-

У Рудольфа Фукса, как у героя настоящего шпионского романа, несколько имен: в 1972 году он взял фамилию Соловьев, а его творческий и бардовский псевдоним — Рувим Рублев.

Некоторые из экспонатов Рудольфа Фукса. Даже по их внешнему виду понятно: это музейные вещи

ческого. Поэтому «музыка на ребрах» — это еще и Александр Вертинский, и песни с пластинок 20-х годов молодого Леонида Утесова, а также Петр Лещенко, Владимир Козин и многие другие певцы, чьи имена помнят сейчас разве что пожилые меломаны.

Коммерческая деятельность нашего героя так процветала, что им заинтересовались органы. В 1960 году его впервые арестовали за тиражирование пластинок и даже посвятили ему фельетоны в питерских «Смене» и «Крокодиле».

Магнитофонная техника тем временем развивалась — сначала параллельно, а во второй половине 60-х годов свела на нет механическую звукозапись.

— Первый магнитофон, который я в своей жизни увидел еще школьником, был «Днепр-3», скопированный с немецкого магнитофона, — вспоминает Рудольф Фукс. — Громоздкий, в деревянном ящике, с прекрасным звуком... У него были большие, километровые катушки. «Днепр» мог и воспроизводить, и записывать. Но он был настолько дорог, что мало кто мог его себе позволить. «Днепры» стояли в кабинетах у каких-нибудь директоров предприятий, которые, конечно, не слушали на них музыку, а записывали совещания или выступления.

Рудольф не изменял своему призванию: рекордер для «музыка на ребрах» остался стоять на полке (и стоит до сих-

пор), а сам он влился в магнитофонный самиздат. Первый «Днепр» он купил, устроившись на работу.

Уже к середине 60-х годов он собрал очень приличную коллекцию фирменных дисков и сдавал их в аренду другим писателям по два рубля за каждый. Коммерческая деятельность, наверное, давала неплохой доход, но была незаконной. В 65-м году Рудольфа арестовали, и он провел два года в Выборгской крепости. Последующие десятилетия все продолжалось в том же духе: магнитофонный издат, дружба с культовыми (и полулегальными) в то время авторами-исполнителями, работа в Ленпроекте.

В 1979 году он эмигрировал из СССР и оказался в Штатах. За более чем 20 лет жизни в США Рудольф Фукс сумел стать владельцем звукозаписывающей компании «Кисмет» и обрести интересными связями. В своей книге «Музыка на ребрах» он пишет о том, как выпустил восемь дисков-гигантов Владимира Высоцкого (ему как-то легко удалось уладить авторские права с Мариной Влади), стал первым издателем Андрея Макаревича, написал текст хита «Сингарелла» и поведал о многих других своих успехах и приключениях.

В 1990-е годы Рудольф Фукс стал бывать в Петербурге и пытался вести там все тот же бизнес, связанный со звукозаписью и продюсированием. Он прие-

хал в 1989 году по приглашению фирмы «Мелодия», чтобы выпустить пластинку Аркадия Северного, культового питерского певца, которого он открыл в 60-е годы, — и, кстати, ему это удалось, несмотря на царившую тогда в стране неразбериху.

В 2000 году его американская фирма «Кисмет» прекратила свое существование — слишком изменилась конъюнктура рынка. Барды, шансон и блатняк — на этом в начале нового тысячелетия было уже не заработать.

Сейчас 75-летний Рудольф Фукс скромно живет в два города — в Петербурге и Нью-Йорке. За годы законной и незаконной коммерческой деятельности он не нажил недвижимости и золотых гор и снимает на Петроградской стороне однокомнатную квартирку в доореволюционном доме. Заходишь в нее — и уже не можешь сосредоточиться не чем-то одним, голова так и крутится по сторонам: от пола до потолка тут пластинки, инструменты, постеры рок-групп. И, конечно же, везде проигрыватели, магнитофоны, рекордеры.

Кроме катушечных магнитофонов в количестве шести штук (!), советских и импортных усилителей и драм-машины имеются в его коллекции и три проигрывателя легендарной в свое время фирмы «Корвет». Аппаратуру под этой маркой разрабатывал изобретатель Анатолий Лихницкий — человек, который стоял у истоков отечественного Hi-Fi.

Пожалуй, такое могло быть только в СССР: выпуском «Корветов» занимался завод «Ладога» по разработке ЦНИИ Морфизприбора, ведущего в стране центра по исследованиям и созданию сложнейшей гидроакустической техники. Анатолий Лихницкий был сотрудником Морфизприбора.

В 1976 году он придумал модель, в которой звукосниматель уравнивался огромным блестящим шаром, наполненным вязкой жидкостью. Служивцы ученого называли это устройство «яйцо Лихницкого». К сожалению, после его ухода из Морфизприбора модель осталась недоработанной.

— В СССР это считалось в свое время последним криком моды — шар этот, который вы видите, — указывает на «Корвет» Рудольф. — В нем должна была быть налита жидкость, чтобы регулировать движение. Шар-то сделали, а до жидкости не добрались, — смеется он.

Кроме старого рекордера, который записывал музыку на рентгеновские снимки, имеются в этом пестром собрании еще два военных рекордера для записи на настоящую пленку — «из Америки привез, для армии были сделаны». Есть еще целый набор духовых инструментов, на которых Рудольф не играет. Они украшают стену комнаты.

— Это как у капитана Немо: он на корабле один — в надежде, что снова соберется команда, — шутит он, и добавляет: — Бывает, музыканты приходят и играют.

Правда, случается это все реже, а музыке сейчас все записывают на компьютерах, сетует он и рассказывает о своей мечте создать в квартире что-то вроде музея звукозаписи. Экспонатов более чем достаточно.